

**ФЕНОМЕНОЛОГО-ОНТОЛОГИЧЕСКИЙ ЗАМЫСЕЛ Г.Г. ШПЕТА:
ОТ МЕТОДОЛОГИИ НАУКИ К АНТРОПОЛОГИИ КУЛЬТУРЫ**

O.D. Naumov

**PHENOMENOLOGICAL-ONTOLOGICAL CONCEPTION
OF G. SHPET: FROM THE METHODOLOGY OF SCIENCE
TO THE ANTHROPOLOGY OF CULTURE**

Цель данного исследования – историко-философская реконструкция феноменолого-онтологического замысла Г.Г. Шпета в контексте развития гуманитарной мысли начала XX века, переживающей кризис научной рациональности. Объектом исследования является шпетовская интерпретация понятия научной рациональности. Предметом исследования выступает экспликация методологических оснований в рамках проекта Г.Г. Шпета. Новизна предлагаемого исследования заключается в попытке кросс-культурного и метафилософского рассмотрения философского проекта Г.Г. Шпета в сравнении с феноменологическим проектом Э. Гуссерля и философским проектом Л. Шестова. Указывается роль проекта Г.Г. Шпета в контексте развернувшейся в начале XX века полемики относительно статуса разума, науки и научной рациональности. Репрезентация отмеченного ракурса шпетовской философии становится возможна благодаря рассмотрению исторической динамики ее развития, а также посредством проблематизации шпетовского подхода к анализу культуры в качестве топоса бытия разума. В результате феноменолого-онтологический замысел Г.Г. Шпета реактуализируется автором в качестве динамичного проекта, реализуемого от методологической рефлексии в направлении антропологии культуры. Это позволяет интерпретировать проект Г.Г. Шпета в качестве одного из вариантов решения проблемы кризиса научной рациональности, а также одного из оснований новой научной рациональности. Обоснование этой идеи становится возможным благодаря категориальному анализу концепта субъекта в философии Шпета, а также выявлению метафизических оснований его бытия в мире культуры. Последовательно анализируется познавательный процесс. Гносеология Шпета анализируется автором с позиций выявления соотношений между категориями «онтическое» и «онтологическое». В целом рассмотрение философского проекта Г.Г. Шпета осуществляется с позиций методологии науки, антропологии культуры, историко-философского исследования.

Ключевые слова: наука, философия, разум, рациональность, субъект, культура.

The objective of the study is historical and philosophical reconstruction of phenomenological-ontological conception of G.G. Shpet in the context of development of humanitarian thought of the beginning of the XX century enduring the crisis of scientific rationality. The object of research is Shpet's interpretation of the concept of scientific rationality. As an object of the research the explication of the methodological bases within G.G. Shpet's project acts. The novelty of the offered research consists in the attempt of cross-cultural and metaphilosophical consideration of philosophical project of G.G. Shpet in comparison with E. Husserl's phenomenological project and L. Shestov's philosophical project. The role of the project of G.G. Shpet in the context of the polemic developed at the beginning of the XX century concerning the status of reason, science and scientific rationality is specified. The Representation of noted foreshortening of Shpet's philosophy becomes possible thanks to the consideration of historical dynamics of its development, and also by means of problematization of Shpet's approach to the analysis of culture in the quality of top wasp of life of the reason. As a result G.G. Shpet's phenomenological-ontological conception is reactualized by the author as the dynamic project realized from methodological reflection in the direction of culture anthropology. It allows interpreting G. Shpet's project as one of options of the solution of the problem of crisis of scientific rationality, and also one of the bases of new scientific rationality. The justification of this idea becomes possible thanks to the categorical analysis of the concept of the subject in Shpet's philosophy, and also the identification of metaphysical bases of its life in the world of culture. Informative process is consistently analyzed. Shpet's gnoseology is analyzed by the author from the positions of identification of ratios between the categories ontic" and "ontological". In general the consideration of philosophical project of G.G. Shpet is carried out from the positions of methodology of science, anthropology of culture, historical and philosophical research.

Keywords: science, philosophy, reason, rationality, subject, culture.

Кризис науки рубежа XIX–XX века, а также последовавшая за ним трансформация философского и научного знания, не могут не ставить перед современным научным сообществом вопроса о соотношении философии и науки. Выявляя связь между наукой конца XX – начала XXI в. с революционными процессами, случившимися в начале минувшего столетия, нельзя не указать и на то, что развитие философской мысли XX в. отмечено печатью своеобразного «разочарования» в своем, казалось бы, незыблемом конститутивном начале – разуме. В этом смысле, один из главных лейтмотивов западноевропейской философии минувшего века – идея обновления и укрепления рационализма. Отзвуки это-

го призыва несложно обнаружить в таких философских проектах, как феноменология Э. Гуссерля и Р. Ингардена, критический рационализм К. Поппера и проекты представителей Львовско-Варшавской школы. Опознавательным знаком этих, казалось бы, далеких друг от друга философских проектов, является беззаветная вера в незыблемость разума и его абсолютную необходимость для культуры.

Вместе с тем история философии XX века показывает, что наряду с многоликим лагерем защитников разума возникает и стремительно развивается когорта его противников. Вследствие этого философия XX века может быть помыслена в качестве непрекращающегося поединка между защитниками разума и его непримиримыми критиками, настаивающих на том, что полная победа разума на деле будет означать лишь одно – гибель мира и жизни. Именно поэтому, отмечает Л. Шестов, главный идол западноевропейской культуры – разум должен быть не восстановлен, а, напротив, разрушен: «чтобы он разбился вдребезги» [4, с. 146].

Возможен ли в этом принципиальном и, казалось бы, бескомпромиссном споре компромисс, означающий возможность не столько договориться, сколько услышать друг друга, и прийти не столько к примирению, сколько к новой интерпретации давно набивших оскомину понятий «наука» и «рациональность»?

Постановка этого вопроса может и должна быть оправдана еще и тем, что в непрекращающемся споре вокруг статуса разума в структуре культуры практически никогда не упоминается вклад отечественной философии, за исключением, пожалуй, проекта критики отвлеченных начал В.С. Соловьева, призванного, на наш взгляд, не прояснить суть рассматриваемой проблемы, а лишь создать вокруг дискурса русской философии стереотипный ареал антирационализма, историко-философским следствием которого является табуирование интерпретации отечественной философской мысли в качестве философии науки. Между тем, историко-философские исследования последних десятилетий XX в., призванные не столько реактуализировать, сколько причудливым образом «заново» открыть и «продолжить» традицию отечественного философствования, указывают на то, что отечественная философская мысль имеет богатые традиции, не исчерпывающиеся трудами по марксистской философии. В конце XX в. отечественное философское сообщество вновь открыло для себя труды В.С. Соловьева, Н.А. Бердяева, П.А. Флоренского, С.Л. Франка, невольно породив тем самым еще один стереотип в отношении дискурса русской философии: он был маркирован печатью «религиозности». В перспективе это означает лишь одно: на передний план научного изучения наследия дореволюционной философии выдвигается не столько философская, сколько религиозная проблематика.

Между тем, в истории дореволюционной отечественной философии фигура Г.Г. Шпета стоит особняком, поскольку в его наследии обнару-

живается «нетрадиционная» для русской философии проблематика, опознавательный маркер которой в настоящее время все еще не найден. Отчасти, это объясняется незаслуженным забвением фигуры философа. Но и сам замысел отечественного философа чрезвычайно сложен и многогранен: в известной степени, не будучи завершенным своим создателем, он представляет собой гетерогенное децентрированное динамичное множество, что позволяет некоторым исследователям называть, с рядом оговорок, Г.Г. Шпета – первым русским постмодернистом. Динамичность шпетовского замысла, также как и непрекращающийся поиск метафилософской структуры, призванной объединить его замысел в целостный научно-философский проект, обнаруживается сегодня при анализе публикаций, посвященных наследию мыслителя: если на исходе XX в. исследователи акцентировали внимание на феноменолого-герменевтической проблематике текстов Густава Шпета, то уже в XXI в. в оценках творчества этого философа начинают появляться указания на его общегуманитарный замысел, в частности, методологические идеи, значимые не только для философии, но и социально-гуманитарного знания в целом. Как отмечает томский шпетовед О.Г. Мазаева, в 2015 г. отечественное научное сообщество отметило своеобразный юбилей – 30 лет традиции непрекращающейся реактуализации наследия Г.Г. Шпета: от секции, посвященной творчеству мыслителя на международной конференции славистов в США (1985 г.) через ряд международных конференций в различных государствах западной Европы до Шпетовских дней в Томске (1989 г.). На сегодняшний день, с первых Шпетовских дней в 1989 г., Томский государственный университет провел уже 6 международных конференций, посвященных философу (1991, 1996, 1999, 2002, 2008, 2015 гг.) [2, с. 476].

В настоящее время в отечественном шпетоведении особую популярность исследователей завоевывает интерпретация проекта Г. Шпета в духе проекта философии науки. Обосновывая возможность такого рода интерпретации наследия философа, Л.А. Микешина указывает на значимость этого аспекта творчества Г.Г. Шпета, который примечателен еще и тем, что: «он разрабатывал эту проблематику задолго до того, как эти области стали самостоятельными разделами философии XX века » [3, с. 21].

Таким образом, в центре внимания данной работы находится интерпретация феномена науки, обнаруживаемая в творчестве Г.Г. Шпета на материале работ, посвященных проблеме соотношения философии и науки, а также ряда идей, касательно особенностей новой – общекультурной рациональности. В этом смысле известная оценка творчества Г. Шпета, видящая, по мысли ее авторов, в русском философе: «родоначальника отечественной философии науки, а также методологии гуманитарного знания» [3, с. 22], должна быть дополнена усмотрением в творчестве г. Шпета истоков современной антропологии культуры, что

позволяет: во-первых, ввести философема «человека как центра», актуализировав ее в качестве «неявного» основания любой модели «мира» [1, с. 5], во-вторых, рассмотреть наследие Г.Г. Шпета в контексте магистрального развития истории русской философии, полагавшей введенную философема в качестве исконно традиционной структуры познавательного процесса, отождествляющей процесс миро-сознания и миротворения.

В этом смысле, как нам кажется, в основе разгоревшегося в философии начала XX в. спора касательно статуса разума в структуре культуры, лежит сугубо этическая дилемма: или путь рационалистической культуры, или свобода отдельно взятого индивида. В истории философии эти полярные точки зрения представлены именами достаточно близких для Шпета-человека мыслителей – его учителя Э. Гуссерля и близкого друга Л. Шестова. Возможно, что именно по этой причине Шпет в названном споре занимает позицию медиатора: с одной стороны, он воспринял феноменологию в качестве нового слова в европейской философии, с другой – сохранил недоверие к абсолютистским амбициям разума в сфере «жизненного мира», традиционно присущего дискурсу отечественной философии. Кроме того, нельзя не учитывать и антидогматического, а также герменевтического настроения Шпета-исследователя, стремившегося: «подвести всеобщий фундамент под всю громаду современного знания, указать ему его собственные корни, источник, начала, вскрыть единый смысл и единую интимную идею за всем многообразием проявлений и прорывов творческого духа в его полном и действительном самоощущении» [6, с. 10].

Таким образом, центральным концептом шпетовского подхода к поставленной проблеме является концепт «понимания», указывающий не столько на необходимость творческого развития одной из предложенных точек зрения, сколько на необходимость новой интерпретации употребляемых понятий: «наука» и «рациональность». При этом главная особенность новой интерпретации рациональности – новой рациональности, означающей для Шпета прежде всего «*другой* (курсив мой. – О. Д.) способ мыслить» [5, с. 316], заключается в том, что разум и рациональность должны встать на место веры, не исключая при этом человека из пространства свободы. В результате, первоначально заявленная проблема из сферы философии и методологии науки стремительно перемещается в проблемное поле антропологии, а шире – фундаментальной онтологии.

В этом смысле проблема интерпретации рациональности, по мнению Г. Шпета, является сугубо философской проблемой, поскольку: «рационализм – первое слово, постоянное, и останется последним словом европейской философии» [5, с. 317].

Более того, вопрос о рациональности является для г. Шпета своеобразной методологической предпосылкой возможности «твердого начала

философствования», а также отправным пунктом в исследовании фундамента философского знания, поскольку вопрос о рационализме – это единственно возможный, согласно Г. Шпету, путь обретения знания об основаниях [6, с. 36].

Таким образом, обращаясь к проблеме выяснения природы и форм философии, Г. Шпет в работах «Идея основной науки» и «Мудрость или знание?» практически полностью соглашается с гуссерлианским идеалом философии как строгой науки, отмечая (со)-существование различных типов философии (рационализма), которые: «не просто расположены, но, по Шпету, могут быть поняты как определенные ступени развития или формы существования философии: от мудрости, через метафизику и мировоззрение к философии как “основной”, “строгой” науке» [4, с. 25].

Надо сказать, что в процессе вычленения внутренних ипостасей – модусов философии Г. Шпет идет намного дальше, нежели Э. Гуссерль, выделявший в структуре философского знания лишь два уровня абстракции – эмпирический и теоретический, указывая на существование так называемой «научной» философии или псевдофилософии.

На наш взгляд, в понимании того, что означает понятие «псевдофилософия» для Шпета, заключается его принципиально важное отличие от Э. Гуссерля, а также специфическое, обновленное понимание русским философом феноменов науки и рациональности. Как отмечает Л.А. Микешина, согласно Г. Шпету, «псевдофилософия – это позитивистские, метафизические, теологические, гностические фантазии о “синтезе” всего знания по образцу какой-либо специальной науки. «Научная философия» складывается многочисленными направлениями (эволюционизм, психологизм, гносеологизм, историзм и др.) и не обладает единством оснований, а лишь представляет определенный тип философского знания» [3, с. 26–27].

Таким образом, именно множественность оснований, по мнению Шпета, является причиной размытости определения философии, влекущего за собой упрек в ее «антинаучности». Спасение философии от «антинаучного» флера Г. Шпет усматривает в научном исследовании ее оснований. В этом смысле философия как строгая наука фокусирует свое внимание лишь на одном объекте, выступающем одновременно ее основанием. Таким объектом является бытие, а задача философии заключается в том, чтобы исследовать его во всем многообразии его форм: «задача познания сущего во всех его формах и видах никогда не подменялась другими задачами, – от Платона и до Лотце, через Декарта и Лейбница, идет ее прямой путь» [6, с. 41].

Говоря иначе, положительная, в противоположность негативной псевдофилософии, философия как строгая наука, по мнению Шпета, представляет собой идеальное отношение к миру по аналогии с науками – всегда сугубо идеальными и эйдетическими, то есть науками о сущностях,

свободных от всякого опыта и нанесения фактического. Как отмечает сам Г. Шпет, такое понимание научности и науки: «не есть уничтожение или отрицание действительности, но это есть известное устремление нашего зрения, новая “установка” (рациональность. – *О.Д.*) нашего теоретического отношения, благодаря которой мы получаем возможность непосредственно переходить от “естественного” бытия в мире к бытию иного порядка и иных сущностей и, таким образом, говорить наряду с науками эмпирическими о науках идеальных» [6, с. 48].

Именно поэтому, отмечает философ в работе «Мудрость или разум?», «философия как знание – это основная наука в самом прямом и первоначальном смысле (наука основ), поэтому “она существенно принципиальна, а не онтологична”, то есть формулирует и применяет принципы, воспринимая все данное через них, то есть через сознание» [5, с. 246–247].

В чем же заключается специфическое шпетовское понимание науки, отличающее русского мыслителя от его западноевропейского наставника – феноменолога Э. Гуссерля? Исходя из идеи философии как строгой науки или, что еще более точно, понимания философии и науки в качестве различных модальностей субъективно-рационального мирознания, фактически тождественного миро-творению, Шпет указывает на необходимость ограничения тотальной строгости исходной рациональности касательно к продуцирующему ее субъекту. Таким образом, отличительной чертой шпетовского анализа феномена науки и лежащего в ее основании феномена рациональности является не методологический, а специфический антропологический подход, рассматривающий разум в качестве инстанции, ответственной за возможность диалога между притязаниями субъекта и окружающей его действительностью. Благодаря такой интерпретации науки и рациональности, Шпету удастся, во-первых, преодолеть скептицизм тотально рационально организованной культуры в отношении субъекта; во-вторых, избавиться от нигилистического налета антирациональной интерпретации взаимоотношений субъекта с культурой, отстаивающей идеал свободы отдельно взятого человека.

Исходя из этого, можно предположить, что изначально заявленная проблема в творчестве Г.Г. Шпета трансформируется в проблему защиты разума от этической критики, не впадая при этом в морализаторство. В результате происходит, казалось бы, невозможное: «научная философия неизбежно начинает выполнять то дело, значение которого она отрицает – она сама становится философией “ненастоящей”, метафизикой, псевдофилософией» [5, с. 223], т. е. метафизикой в широком смысле, претендующей быть наукой. Согласно Шпету, именно этой философии противостоит философия как чистое знание, предметом которой является бытие в противоположность небытию. Здесь под бытием понимается данность мира сознанию субъекта через призму индивидуальных поня-

тий. Иначе говоря, предметом такого рода философии, как науки, является сознание, данное самому себе и открывающееся в процессе самосознания в своей аутентичной подлинности. Задача такого рода познания заключается в понимании, или, как отмечает сам Шпет, – в получении подлинного знания о самом себе в качестве центра бытия, призванного не только конституировать последнее, но и познавать. Следовательно, речь, в конечном счете, идет о познании себя в качестве онтического начала.

По мысли Шпета, это знание призвано снять иллюзорное противопоставление науки и философии, а также реального и идеального. Более того, шпетовский подход в качестве своей конечной сверхцели, в противоположность феноменологической установки Э. Гуссерля, настаивает на необходимости репрезентации взаимосвязи указанных «бинаризов» в условиях реального «человеческого мира», благодаря чему философский проект Г. Шпета может быть прочитан в качестве попытки «наведения мостов» между несовместимыми ранее: наукой, рациональной философией, помысленной в качестве строгой науки, а также мудростью, выступающей в качестве проекции миропонимания субъекта.

Литература

1. *Круглов В.Л.* Человек эпохи «модерн»: антропология культуры как критика децентрированного разума. – Красноярск, 2009. – 240 с.
2. *Мазаева О.Г.* Исследование творческого наследия Г.Г. Шпета на шестых Шпетовских чтениях // Феноменолого-онтологический замысел Г.Г. Шпета и гуманитарные проекты XX–XXI веков: сб. ст. и мат-лов междунар. науч. конф. (1–7 июня 2015 г.) / отв. ред. *О.Г. Мазаева*. – Томск: Изд-во ТГУ, 2015. – 500 с.
3. *Микешина Л.А.* Густав Шпет и современная философия науки // Густав Шпет и современная философия гуманитарного знания. – М.: Языки славянских культур, 2006. – 464.
4. *Шестов Л.* Памяти великого философа (Эдмунд Гуссерль) // Вопросы философии. – 1989. – № 1.
5. *Шпет Г.Г.* Мудрость или разум? // *Шпет Г.Г.* Философские этюды. – М.: Прогресс, 1994. – С. 222–236.
6. *Шпет Г.Г.* Явление и смысл. Феноменология как основная наука и ее проблемы // *Шпет Г.Г.* Мысль и Слово. Избранные труды. – М.: РОССПЭН, 2005. – 688 с.

